

Берестяные грамоты как исторический источник

В. Л. Янин

ЗНАЧЕНИЕ ОТКРЫТИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Открытие в Новгороде берестяных грамот с самого начала обозначило новые перспективы изучения средневековой русской истории. Оно позволило прочно сомкнуть традиционный для археологии метод реконструкции исторического процесса по материальным остаткам прошлого со всем корпусом средневековых письменных источников. Значение этого открытия будет увеличиваться с расширением раскопок. С 1951 по 2001 год (т. е. за 51 полевой сезон) в Новгороде найдено 918 берестяных документов. Подсчет же еще не обнаруженных грамот, основанный на характеристике состояния и сохранности культурного слоя в разных районах города, дает ошеломляющую цифру — более 20 тысяч берестяных текстов. Древнейшая из найденных грамот относится к первой половине XI в., позднейшая — к середине XV в., когда береста как писчий материал была вытеснена массовым распространением бумаги. В те же годы берестяные грамоты были найдены еще в десяти древнерусских городах: 36 в Старой Руссе, 19 в Торжке, 15 в Смоленске, 8 в Пскове, 5 в Твери, 3 в Звенигороде Галицком, по одной в Москве, Рязани, Витебске и Мстиславле.

Заметим, что примерно половина этих документов относится к домонгольскому времени. Отметить этот факт необходимо по одной чрезвычайно важной причине. До обнаружения берестяных грамот корпус русских письменных источников указанного времени содержал лишь три подлинных пергаменных листа, имеющих отношение к гражданской истории: жалованную грамоту князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буйце, духовную Варлаама Хутынского и древнейший вариант Торговой правды Смоленска¹. Причина этой источниковой нищеты очевидна. Русский человек

¹ Грамота Мстислава датируется 1130 годом, однако, будучи снабжена печатью князя Ярослава Всеволодовича, она, вероятнее всего, является архивной копией 10–

на протяжении столетий жил в деревянном доме, а его письменная культура была сосредоточена в деревянных городах. Между тем, опыт новгородских раскопок показывает, что неизбежным концом каждого деревянного дома (а их остатков расчищено около двух с половиной тысяч) была гибель от пожара. В XII в. догорало то, что не успело сгореть в предыдущем столетии, XIII в. уничтожал недогоревшие остатки жилищ XII в. и т. д. Очевидно, что я имею в виду не только дома, но и их содержимое — книги, рукописи, иконы, украшения, утварь... Чем дальше в глубь столетий, тем меньше уцелевших письменных документов. Теперь трем пергаменным листам первой трети XIII в. противостоит около 450 берестяных текстов XI — первой трети XIII в.

Существует еще одно немаловажное обстоятельство в характеристике древнейших традиционных письменных источников. Разумеется, главным кладезем наших знаний прошлого остается летопись. Я не собираюсь касаться извечной темы слияния в летописном рассказе собственно историографии и художественного литературного творчества его многочисленных авторов и редакторов, а также наличия в ней фантастических сюжетов. Имею в виду очевидную избирательность интересов летописца. Его внимание привлечено к необычному, к неординарному: смерть князя, выборы епископа, начало и конец войны, эпидемия, эпизоотия, явление кометы... Его не привлекало то, что, по его мнению, было так же хорошо известно отцам, дедам и прадедам, как и ему самому. Медлительный процесс исторического развития представлялся ему вообще неподвижным. Но, как сказал поэт, «большое видится на расстоянии». Но я добавил бы: на расстоянии и хорошо вооруженным глазом, способным рассмотреть детали. Такие детали в мире материального окружения предка демонстрирует традиционная археология, а в мире его духовного бытия — берестяные грамоты.

Весьма избирателен и круг лиц, интересных летописцу. Это, прежде всего, князья и церковные иерархи, посадники и тысяцкие, полководцы, дипломаты... Именные указатели к летописи не так уж велики. Между тем число лиц, упомянутых в берестяных грамотах, уже сегодня громадно. Оно увеличивается с каждым годом. В качестве примера назову лишь одну цифру. В грамотах XII в., происходящих только с Троицкого раскопа, фигурируют имена более двухсот новгородцев, не известных по другим источникам. Сохранение новгородского культурного слоя для исследования и активное продолжение раскопок даст возможность со временем составить «адресные книги» новгородцев для разных столетий истории Новгорода и, по крайней мере, для тех его районов, ко-

30-х гг. XIII в. Духовная Варлаама относится к первым годам XIII в. Таким образом, древнее XIII в. русских пергаменных актов нет.

торые располагают наибольшей мощностью напластований.

Жанровое разнообразие берестяных документов исключительно велико. Их тексты включают хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и заказы ремесленникам, школьные упражнения детей и просьбы художнику об изготовлении икон, любовные записки и сообщения о смерти близкого человека, ростовщические записи и списки недоимщиков, молитвы и заговоры против болезней... Находка любой берестяной грамоты — не только существенное научное открытие, но и эмоциональный стресс, волнующий акт «оживления» давно умершего и забытого всеми человека, от которого, казалось, не могло сохраниться никакого воспоминания даже во времена его прямых правнуков и праправнуков.

Обычно массовое обнаружение в Новгороде берестяных текстов рассматривается как свидетельство высокого уровня грамотности русского средневекового человека. Разумеется, это так; тем более внушительным это открытие стало потому, что вплоть до 1951 г. в науке существовало устойчивое мнение о почти поголовной неграмотности населения древней Руси. Новгородские находки не только опровергли это мнение, но и доставили прямые свидетельства обучения новгородцев грамоте. Особенной известностью пользуется комплекс ученических упражнений жившего в XIII в. мальчика Онфима. Великая находка древнейшей славянской книги в прошлом году показала, как уже в начале XI в. в Новгороде учили грамоте первых христиан².

Однако значение находки берестяных грамот много шире отмеченного свидетельства широкой грамотности средневекового русского человека. Самая существенная их особенность состоит в их неотделимости от того археологического комплекса, из которого они происходят. Давно уже стало привычным сделанное А. В. Арциховским сравнение открытия берестяных грамот с открытием папирусов. Как папирусы для истории эллинистического Египта приоткрыли живую картину человеческих отношений в сфере житейской повседневности, так и берестяные грамоты смогли осветить такие сферы средневековой русской жизни, какие не находили отражения в традиционных источниках. Однако папирусы обнаруживаются, как правило, во вторичном использовании, вне связи с породившим их конкретным жилым комплексом. Берестяные же грамоты составляют неотъемлемую часть средневековой усадьбы русского города, сохраняя связь со всеми прочими обнаруженными на ней предметами. Вот почему я в свое время резко выступил против провозглашения якобы народившейся новой дисциплины — «бересто-

² А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородская псалтирь начала XI в. — древнейшая книга Руси // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 3. С. 202–209.

логии».

Берестяные документы стали способом персонификации исследуемых усадеб. Прежде археология при характеристике изучаемых ею объектов оперировала такими обобщенными терминами, как «жилище зажиточного человека», «мастерская ремесленника-ювелира» (без возможности установить, был ли этот ювелир свободным или вотчинным ремесленником), «погребение воина-торговца» и т. п. Повторные находки в пределах одной и той же усадьбы берестяных документов, адресованных одним и тем же лицам, определяют этих лиц как владельцев или жителей усадьбы, социальные характеристики которых проясняются при сопоставлении данных самих грамот со всей совокупностью материальных остатков усадьбы (ее застройкой, величиной, хозяйственной структурой, инвентарем). Примером такого комплексного изучения одной усадьбы может служить монография об усадьбе новгородского художника рубежа XII–XIII вв.³

Топографическое изучение грамот позволяет выяснить характер взаимоотношений адресатов грамот с их соседями, а изучение этих документов по хронологической вертикали открывает неизвестные ранее генеалогические связи жителей усадеб с их предками и потомками. Так, при раскопках на Неревском конце в 1951–1962 гг. стало возможным восстановить историю семи поколений боярской семьи Мишиничей, представители которой неоднократно стояли во главе Новгородской вечевой республики XIV–XV вв., а также установить их родственные связи с другими знаменитыми в ее истории людьми.

Благодаря массовым находкам берестяных грамот исследования Новгорода способом раскопок перестали быть чисто археологическими. Берестяные грамоты стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ. Они сомкнули специфические цели археологии с задачами общеисторического и конкретно-исторического плана, считавшимися до сих пор уделом исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников. И сама научная программа раскопок в Новгороде потребовала коренной перестройки, поставившей на первое место в археологическом исследовании такие проблемы, как возникновение Новгорода, формирование и развитие в нем социальной структуры и административного устройства, причины и способы возникновения боярской вечевой организации, основы возникновения боярства как правящего сословия, оценка степени демократизма вечевого строя, вопрос о роли норманнов в формировании русской государственности и культуры и т. д.

³ Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981.

Любопытные материалы для характеристики городского боярского хозяйства и вотчинного ремесла дает топографический анализ находок берестяных грамот. Исследование групп соседствующих усадеб с персонификацией каждой из них позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли наследственную собственность крупных боярских родов: владельцы таких соседствующих усадеб вели происхождение от общего предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951–1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном обширном участке больших дворов (в среднем около 1200–1500 кв. м каждый) принадлежали потомкам знаменитого в новгородской истории боярина рубежа XIII–XIV вв. Юрия Мишинича. Хотя генеалогия этого рода не может быть пока достоверно прослежена глубже указанной даты, сам объем участка и стабильность его планировки, неизменной с X в., свидетельствует о глубокой древности подобной структуры⁴.

Что касается более ранних комплексов, то наиболее важные материалы были собраны во время раскопок в Людином конце, начатых в 1973 г. и продолжающихся поныне. Здесь аналогичная структура кланового боярского городского землевладения зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал знаменитой в Новгороде боярской семье потомков Несды — Внесду и Мирошке с их нисходящими. Обнаружение в том же комплексе берестяных грамот первой трети XII в. с именами посадника Иванки Павловича и его отца ладожского посадника Павла указывает и на более отдаленных предков знаменитого Мирошки Несдинича⁵.

Такой способ организации городского владения не только делал его экономически устойчивым (боярские усадьбы практически не меняют границ на всем протяжении X–XV вв.), но и позволил создавать замкнутую систему самодовлеющего хозяйства. Практически на каждой боярской усадьбе имелась какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана группа бояр-родственников имела возможность располагать исчерпывающим набором разных производств, изделия которых в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с городским торгом, где реализовывалась избыточная продукция. Такая система решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не воз-

⁴ В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

⁵ В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 62–67, 72.

никло цеховых организаций. Участие мастеров разных производственных профилей в едином хозяйстве боярского клана становилось для этого неодолимым препятствием. Между тем ряд авторитетных историков упорно внедрял в литературу умозрительный тезис о наличии в средневековом Новгороде ремесленных цехов⁶. Этот тезис опирался исключительно на вульгарное понимание некоторых городских топонимов (Гончарский конец, Кожевники, Плотники, Щитная улица).

Заметное число берестяных текстов посвящено разного рода торговым делам, среди которых особую ценность имеют грамоты, касающиеся купеческого складничества. Впрочем, этой теме на нашей конференции посвящен доклад Е. А. Рыбиной. Благодаря берестяным документам А. А. Зализняку довелось блестяще истолковать понятие «рубеза» в торговле, которое, как оказалось, означает конфискацию товаров ни в чем не повинных купцов, если другой купец из их города имеет долг, но не выплачивает его, находясь в отъезде⁷.

Исключительное значение имело исследование в 1997–2000 гг. усадьбы «Е» Троицкого раскопа. В слоях второй и третьей четвертей XII в. на ней было обнаружено свыше сотни берестяных документов, большинство которых имело отношение к разного рода судебным конфликтам. Характер застройки этой усадьбы и особенности ее инвентаря сделали возможным определить ее не жилое, а общественное назначение. В указанное время она служила местопребыванием «сместного» суда князя и посадника. Грамоты, найденные здесь, содержат имена главных функционеров этого суда — посадника Якуна Мирославича (Якши) и представителя князя бирича Петра Михалковича (Петрока). Начиная с 1126 г. эта усадьба была оборудована специальным неоднократно возобновленным крытым помостом, на котором в любое время года и в любую погоду могли собираться тяжущиеся стороны и судьи. Сопоставление обнаруженных здесь материалов с показаниями сфрагистических памятников позволило именно 1126 г. датировать важнейшую судебную реформу Новгорода XII в., когда в «сместном» суде при номинальном приоритете князя окончательное решение дела могло приниматься лишь с санкции посадника⁸.

Та же усадьба в более раннее время, в XI — первой четверти XII в., имея так же не жилое, а общественное назначение, была местом, в котором производился раздел привозимых в Новгород государственных до-

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 729–776; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 49–56.

⁷ В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Указ. соч. С. 168–174.

⁸ В. Л. Янин. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 6–30.

ходов. Сочетание многочисленных деревянных замков для запираания мешков с ценностями и берестяных грамот, отражающих детали организации фискальной системы, внесли ясность в очень сложную проблему⁹. Изучение фиска обеспечивается берестяными грамотами, найденными в разных раскопках Новгорода и относящимися к разным столетиям его истории. Одним из наиболее значительных документов в этом ряду является берестяная грамота № 718, датируемая 1229 г. и трактующая о получении так называемого «погородья» с территории Бежецкого Верха. Не менее значительна грамота № 724, написанная, вероятно, в зиму 1166/ 67 г., в которой рассказано о сложности сбора дани на северных землях Новгорода, возникшей в результате столкновения с суздальскими сборщиками, присланными Андреем Боголюбским¹⁰. Берестяные грамоты, тексты которых связаны со сбором государственных доходов, одновременно оказались и важным источником для изучения административной системы Новгородской земли, а также для решения спорных вопросов ее исторической географии. В качестве наиболее яркого примера назову завершение двухсотлетних поисков упоминаемого в dokonчаниях Новгорода с князьями Имоволожского погоста, местоположение которого прояснилось благодаря находке грамоты № 885 XII в.¹¹

Я до сих пор говорил о том, какое качественное изменение открытие берестяных грамот привнесло в археологию. Хочу теперь расширить рамки их воздействия на гуманитарные науки в целом. Исторический процесс развития любой науки (за исключением, может быть, одной арифметики) на определенном этапе ведет к неизбежной дифференциации знания. Время энциклопедистов пережило свой предсмертный расцвет в XVIII в. Что касается гуманитарной области, то она лишь чисто внешне долго демонстрировала уже утраченное единство, сохраняя в университетах историко-филологические факультеты. В действительности и историческая наука с начала XIX в. начала терять былое единство, создавая специальные дисциплины, которые стыдливо назывались и до сих пор продолжают называться *вспомогательными*. Между тем каждая из этих дисциплин, изучая свой специфический круг источников, разрабатывает сложные исследовательские методики, требующие усилий для овладения ими, создает свой «птичий» язык, понятный посвященным, и в результате замыкается в собственном кругу. В процессе дифферен-

⁹ Там же. С. 31–65.

¹⁰ В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000. С. 16–18, 22–25.

¹¹ В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4.

циации разошлись, в частности, и научные цели археологии и собственно истории.

Столкновение результатов, добытых в рамках специальных дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников в любом случае ведет и к ограниченности результата. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации.

Роль открытия берестяных грамот в процессе столь важной для всех нас интеграции невозможно переоценить. Первый результат этого открытия состоит в том, что они надежнейшим образом воссоединили интересы археологов и специализирующихся в изучении письменных источников историков. Второй не менее важный результат — тот, что они свели за одним рабочим столом историков-археологов и лингвистов. Историки и филологи давно не работали вместе. Теперь они не могут обходиться друг без друга. Одной из главных находок Новгородской экспедиции стал наш выдающийся лингвист академик А. А. Зализняк, активный участник раскопок на протяжении уже двух десятилетий. Соединение материалов археологии и лингвистики привело к формулированию важнейших результатов совместного исследования: новгородский диалект имеет восходящие к сугубой древности отличия от других восточнославянских диалектов, что указывает на особый путь славянского заселения русского Северо-Запада. Но об этом лучше меня расскажет сам А. А. Зализняк. Замечу только, что установление отрицаемой прежде разницы между исходными традициями новгородско-псковского и среднеднепровского славянства заставляет по-новому увидеть процесс образования Древнерусского государства, возникшего, как теперь очевидно, на базе слияния и взаимного обогащения этих различающихся традиций.

Остановлюсь на некоторых других примерах интеграции научных дисциплин. Из летописи было известно имя новгородского художника конца XII в. Гречина Петровича, расписавшего фресками не существующую ныне Пречистенскую церковь на воротах новгородского Детинца. На Троицком раскопе была обнаружена и изучена его усадьба. Впервые исследователям довелось побывать в мастерской средневекового художника. Но попутно выяснилось, что именно он был главой артели, расписавшей фресками в 1198 г. самый значительный художественный ансамбль русского средневековья — храм Спаса на Нередице¹². Напомню сетования знаменитых искусствоведов по поводу безымянно-

¹² Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Указ. соч.

сти древней русской живописи, анонимность которой якобы никогда не будет преодолена.

Троицкий раскоп познакомил нас с серией грамот, адресованных отцу Олисея-Гречина — Петру Михалковичу и написанных им. Об этом человеке было известно из летописей, что в 1155 г. он породнился с князем Юрием Долгоруким, отдав свою дочь замуж за сына Юрия — Мстислава, приглашенного новгородцами на княжение. Сотрудник нашей экспедиции талантливый филолог А. А. Гиппиус установил, что с актом этого бракосочетания связаны два самых знаменитых художественных предмета середины XII в. — шедевр прикладного искусства серебряная причастная чаша, изготовленная мастером Костой, и главная святыня Новгорода — икона «Знамение Пресвятой Богородицы», с которой новгородцы вышли на бой с суздальцами и победили их в 1170 г. На обороте чудотворного образа изображены святые Петр и Анастасия, а в посвященных изображениям причастной чаши сочетаются образы святых Петра, Богородицы (т. е. Марии) и Анастасии. Марией (Мареной), как это очевидно из берестяных грамот, звали жену Петра Михалковича, а Анастасия была их дочерью, ставшей невесткой Юрия Долгорукого¹³. Вот один из существенных примеров того, как интеграция ставших на время самостоятельными научных дисциплин способна высекать искру нового знания и освещать потаенные уголки нашего прошлого.

Мы смотрим в будущее с надеждой на новые изобильные находки как берестяных текстов, так и бесконечно разнообразных предметов быта средневековых новгородцев. Однако успех обеспечивается не только энтузиазмом. В свое время обнаружение в Новгороде берестяных грамот послужило главным стимулом для принятия в 1969 г. администрацией Новгорода постановления об охране культурного слоя Новгорода. Уже в следующем году решением правительства принципы защиты культурных напластований были распространены еще на 114 исторических городов. В настоящее время в Новгороде принят к исполнению опорный план культурного слоя, позволяющий соразмерять усилия по его охране в соответствии с его мощностью. К сожалению, случаи нарушения охраны слоя не единичны и требуют постоянной бдительности. Нужно вести постоянную работу, воспитывая у современных новгородцев понимание неповторимости того культурного богатства, которое лежит под их ногами, чтобы бдительными были не одни археологи.

¹³ А. А. Гиппиус. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 366–379; *Он же*. К атрибуции новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение». Там же. С. 379–394.